

Легенда поместья «Элизиум»

1915 год. Сизые сумерки пробирались в усадьбу, проныкая в комнаты, заползая в коридоры, замирая в переходах и углах.

С сумерками приходила тишина — абсолютная, какую, наверное, слышат глухие. Внезапно все замирало в этом доме, даже живность затихала, но будто в ожидании, явственно ощущалась тревога... скоро... совсем скоро начнется...

Глубоко внутрь пряча страх, подступавший к горлу, словно тошнота, Арина Павловна прислушивалась к беспокоившей тишине, наполнявшей усадьбу по вечерам, но временно.

Изо дня в день дом сиротел. В течение двух последних недель, оставляя в образовавшейся пустоте тревогу, слуги покидали его тайком, будто воры, не ставя в известность о своем решении экономку. Видимо, стыдились своей трусости, да и побаивались вот так прямо заявить Арине Павловне, мол, прощевайте, ухожу.

Она женщина строгих правил, оттого и в других не выносила вольностей, порядок в доме блюла на совесть, никому не давая спуска. Слушались и уважали ее все: от прислуги до блаженного старика-пастуха, который никого не признавал, кроме Господа. Сам барин Сергей Дмитрич считался с экономкой,

а то и советовался с ней, что безмерно льстило Ари-
не Павловне. Но так было. Совсем недавно было, од-
нако все изменилось...

Прислугу гнал из Элизиума не страх остаться без гро-
ша, нет. Людей выдворил из этого прекрасного места,
приводившего в щенячий восторг всех, кто волею случая
попадал сюда, необъяснимый ужас. Лишающий разума
ужас. До Арины Павловны дошли слухи, мол, усадьбу
Элизиум считают проклятым местом, будто здесь посе-
лился диавол. По этой глупой причине народ из окрест-
ных деревень крестился и плевался в сторону Элизиума,
гордо возвышавшегося на холме, огороженного высо-
кой кованой оградой, а самые языкатые байками пот-
чевали заезжих господ. Но стоило на землю спуститься
ночи после унылого дня, Арина Павловна сомневалась,
что они не правы. Ночью все и начиналось...

Теперь всякий раз с наступлением сумерек, лишь
тишина начинала властвовать над каждым закоулком
в доме, она места себе не находила и ждала... ждала...
как все в этом доме ждали, включая мышь под полом.
А чего ждала? Чего-то очень плохого, что должно обя-
зательно и внезапно случиться.

В тот вечер Арина Павловна лишь открыла дверь
и оглядела площадку, где стояли кресла для отдыха
и стол из ротанга, а по углам и вдоль балюстрады —
вазоны с цветущими растениями. Никого. Если не счи-
тать ветра, который проказничал по крыше-балкону,
гоняя по плитам упавшие цветки и листья.

— У-у-у... У-у-у... — завывала стихия, да молча ту-
чи бежали по небу.

Так и обошла экономка дом, заглядывая в комна-
ты и не решаясь войти. Было непривычно пусто. Но
ощущение, что здесь притаилась злая сила, не прохо-
дило и днем, оттого умножалась тяга к человеческому

общению. Да вот беда: пойти излить душу некуда, кроме как на кухню к Домне, она по примеру экономки не сбежала, некуда ей бежать, как и Арине Павловне некуда.

— Чаю аль отужинаешь? — спросила Домна. — С утра ничего не емши, эдак ты, Арина Павловна, захвораешь, не приведи Господь.

Кухарка чистила посуду золой с песком, сидя на низкой табуретке. Уж и чистить нечего — посуда сияла, как звезды в грустной вышине, но Домна ее терла и терла, привыкла работать, а нынче работы ей не хватало. Завидев Арину Павловну, она поднялась только с третьего раза, раскачавшись, ведь ее полное тело неповоротливо. Круглое лицо Домны с выпуклыми щеками, сидящее плотно на плечах, излучало озабоченность, она же никогда не видела экономку опечаленной, расстроеной, только последние недели.

— Пожалуй, поем, — сказала Арина Павловна, усаживаясь за стол. И правда, чувствовала приступ голода, а до этого момента забыла, что не ела весь день.

— Вот и ладно, — засуетилась Домна. — Оно ж по-умному надобно с переживаниями жить, чтоб не помереть невзначай. А у меня нынче куропатки да перепела... во рту тают! Антипка настрелял.

— Себе поставь прибор, — бросила экономка. — И вино подай.

О, как изумила она кухарку! Что это с ней случилось? Обе женщины одних лет, при барине и состарились (уж тридцати восьми лет обе), а положение-то у них разное, чтоб сидеть за одним столом, будто ровня. Каприз Арины Павловны — закон, после барина с барыней она здесь третья по чину, впрочем, чин чином, а судьба у экономки незавидная. Ставя на стол блюда с яствами и приборы, Домна поглядывала с жалостью

на серую ворону в темно-сером платье, которую дворня, чего греха таить, не жаловала.

Недаром люди иных женщин с молью сравнивают, словно печать ставя на них, дескать, некрасивы. Да, экономка некрасива, на лице ее не различишь черт, привлекающих людской взор, они такие же бледные, как и кожа, а потому законно заслуживают сравнение с молью. И глаза без цвета не выделялись на этом обезличенном лице, но лишь иногда сверкали жизнью, да и то потому, что неутоленные желания притаились в них, изредка выдавая хозяйку.

Уж больно строга Арина Павловна, а избыточная строгость вредна для всех, кто к ней касается хоть частичкой, как и любовь избыточная. Вроде и голоса не повышала, не суетлива, не делала шума из своего служения барину, а как молвила слово, перечить ей никто не решался. Женщины выпили по бокалу красного ароматного вина молча и до дна. Ели.

И ждали, ведь уже скоро... Обе ждали, не обмолвившись ни словом, да это и так понятно, что обе ждут... ждут... и всегда неожиданно...

Четвертую неделю с наступлением сумерек, держа высоко канделябр, она обходила дом с башенки на самом верху, откуда видна вся округа на много верст. Это одна большая комната в форме правильного гексагона с шестью углами и шестью стенами, а окон пять, дабы света было больше.

Сергей Дмитрич называл дом замком, а простые люди дворцом, ничего похожего в здешних краях не видавали. Строил дом иноземец по заказу деда, но по своему италийскому представлению, им бы, иноземцам, все выкрутасы соорудить да побольше с хозяев денег содрать. И соорудил. Башня на краю особняка — а зачем? Часть крыши не крыша вовсе, а один большущий бал-

кон почти над всем домом, ограниченный по краям балюстрадой, под нею — желобки для слива воды во время дождей. Оставшаяся часть — мансарда, где любил отдыхать хозяин, в ней стены целиком из стеклянных окошек сделаны...

Ожидания разбились вдребезги, а внутри надежда, что уже сегодня будет тихо и спокойно. Потому что раздался рев! Утробный. Громкий. Страшный. Вскоре и прекратился, впрочем, эхо разносило его по дому некоторое время.

Этот невыносимый звук нет никакой возможности передать словами. То ли стон, то ли вопль, то ли плач, то ли дикарский смех... Всегда разный. И всегда глухой, слышался оттуда-то издалека, в то же время где-то близко. Да, вот такая несуразица. Только не понять — откуда: из-под земли знак подается или с небес гроза несется. А может, его создавал воздух вокруг из капелек слез и пота, пролитых в этом большом поместье? Потому, наверное, и чудилось, будто от него дрожат стены. Даже стены пугались странного рева, гудевшего отовсюду. Слышен он и снаружи, там тоже не понять, откуда несется.

Обе женщины замерли в тех позах, в каких застал их ожидаемый, но почему-то всегда внезапный рев. Вытаращив глаза, держа в руках бокалы на весу и не мигая, женщины вслушивались в боль, которая угадывалась в протяжных звуках, словно кого-то истязали. Но этот кто-то не мог быть человеком... Нет-нет, человек не умеет так страдать. Да и страдания ли то?.. Не понять, хоть убей!

Необычным звукам вторили собаки. Они вдруг завывали! А молодые псы отчаянно и враждебно лаяли на псарне, создавая невыносимую какофонию. И лошади ржали, рвались из денников, они тоже напуганы. Но наступила тишина.

Оправившись от первого ужаса, кухарка машинально перекрестилась и скосила глаза на экономку. А та, погруженная в себя, сосредоточенно разминая мякиш хлеба, уж который раз пыталась определить, где источник боли, откуда он берет начало. Человеку надо знать все про то, что непонятно, знать и видеть, дабы решить, чем защитить себя. Арина Павловна отважилась бы пойти туда, где находится некто или нечто. Страшно? Очень. Так ведь в неведении жить и ежеминутно ждать жестокой смерти от чудищ, которых рисовало воображение, многожды страшнее.

Неожиданно наступила пауза, когда вновь повисла тревожная, дрожащая и томительная тишина. Утихли собаки. Это ненадолго, все возобновится вновь и вновь прекратится, потом опять возобновится... Так всегда случалось, только псы теперь будут повизгивать и скулить, потом и вовсе замолчат, прислушиваясь вместе с обитателями поместья к изменениям в жутких звуках.

До утра время от времени будет некто стонать и плакать, кричать и выть, реветь и даже хохотать, пугая всех, кто окажется рядом с поместьем. Случайный путник, проезжающий верхом, натянет поводья и замрет, вслушиваясь в противоестественные звуки, и, не найдя объяснения им, помчится прочь во весь опор. А крестьянин сразу убежит, крестясь и вопя от ужаса.

— Одного не могу взять в толк, — произнесла Домна тихо, — человечье то страдание, али черти тешатся? Иной раз чудится, голос мужеский слова хочет произнести, да не можется ему. А иной раз будто девица ревмя ревет... А бывает, вовсе не человеческое создание стонет. А? Как думаешь, Арина Павловна?

Что могла ответить экономка? Думала она о том же, да знать не знала: живое создание тревожит их

по ночам или чей-то мятущийся дух не нашел покоя за порогом бытия. Не получив ответа, Домна тяжело вздохнула:

— И когда ж это барин наш возвернется? Долгонько отсутствует. Уж он-то знал бы, кому туточки нейметя.

После слов этой простой и бесхитростной бабы экономка вдруг вскинула на нее пронзительные глаза, от которых ничего не скрыть, но в ту минуту они были полны надежды, и спросила:

— Полагаешь, кто-то нарочно всех в заблуждение вводит?

— Заблуждений я не знаю, оттого судить про них не смею, — смутилась кухарка, не любила она, когда значения ее слов преувеличивали. — Так ведь всяко может быть.

О, если б то были дуралеи, глумящиеся над доверчивыми людьми, которым повезло получить место в поместье Сергея Дмитрича! Зависть людская тяжела для тех, кто с нею живет, она давит душу человеческую, порождая нечто злобное и мстительное, потому непредсказуемы и безобразны поступки завистников. Это единственная мысль, объясняющая таинственные звуки.

— Всяко? Это верно ты заметила, — задумчиво произнесла экономка, получив все же косвенное подтверждение, что странные звуки могут быть и человеческой глупой шуткой. А с человеком она справится, будь он в десять раз сильнее.

Внезапно скрипнула дверь... Домна вздрогнула и одновременно вскрикнула. Арина Павловна испугалась не меньше, да виду не подала, значит, силы еще есть внутри, она обязана быть сильной и не дрогнуть перед обстоятельствами.

Обе повернулись к двери на скрип... а это Шурка вплыла и шла с улыбочкой к столу, шурша юбками,

выставив вперед тугую грудь, которая за малым не рвала платье на ней. Не обделил Господь красотой девку: и телом сбитая, и кожа белая да гладкая, словно у барыни, и овал личика плавный, глаза синевы чистой, носик маленький, а губы... по таким сладким губам мужики с ума сходят. Но обделил Создатель умом Шурку, а глупость сильно красоту портит. Видимо, от глупости вся ее натура и получила печать порочности, даже густые кудряшки (дура спала в папильотках) подрагивали при каждом движении с безнравственным намеком, словно призывали. Присев на стул, Шура потянула носом и улыбнулась.

— Исть хочется, — не сказала, а томно промурлыкала. — А вы ужинаете? Отчего ж не позвали?

— Сама пришла не переломилась, — заворчала Добрая, заерзав на стуле и отвернувшись от нее. — Вон все на столе, бери да ешь.

— К себе в комнату заберу.

Шура приготовила поднос и стала класть еду на тарелки, напевая под нос да шурша юбками при каждом движении. Народ в усадьбе паника охватила, а этой все нипочем! Горничная Шура, привезенная из города для барыни, не понравилась Арине Павловне, стоило взглянуть на нее. В поместье жизнь была налажена, кругом царил порядок, восхищавший гостей и соседей, работники ладили друг с другом и работали на совесть.

Но вот явилась выдра блудливая да брехливая, строптивая да хитрющая, а вместе с ней словно чертяка пакостная залезла в дом. Неприличная красота Шуры поначалу не больно-то и занимала Арину Павловну, но поначалу! Главное ее правило: от обязанностей — ни на полшага, от всего работающего люда требовала того же, а приструнить шельму не получилось.

— Кажись, ентого довольно будет, — сказала, наконец, горничная, облизывая с причмокиванием пальцы, при этом излишне вытягивая пухлые губки.

— А набрала-то! — оценив горы всяческой снеди, заворчала Домна, ерзая на стуле. — Чай, всю дворню накормить до отвала желаешь?

— Я особливо к ночи исть хочу, — на подлой улыбке сказала Шура. — Нешто тебе жалко? Все едино пропадет, народу-то в усадьбе поубавилось.

Не в силах больше терпеть наглую девку рядом, Арина Павловна бросила ей строго:

— Набрала? Теперь ступай вон.

Но Шурка оперлась о стол руками и спокойно так, с большим чувством превосходства, а также презрения окатила экономку:

— А ты мне нынче не указ. Таперя мы все на равных без барина, так что поостынь, Арина Павловна.

— Вон пошла! — рывкнула экономка, привстав и тоже опираясь о стол руками. — А коль не понимаешь, покличу дворников, они тебя живо вышвырнут.

— Не пужай, я не из пужливых. Покуда дворники твои добегут, я те глаза выцарапаю и космы повыдергаю.

— Шурка... — запричитала толстуха Домна, всплеснув руками. — Охота тебе перечить! Арина Павловна вместо хозяина в доме, вот приедет барин, он тебе покажет... Христа ради, ступай себе с миром! Не до тебя нынче.

Шура подхватила поднос с едой и уплыла, посмеиваясь да оглядываясь, она чувствовала себя победительницей в словесной битве. Арина Павловна медленно опустилась на стул, взяла бокал и выпила пару глотков вина, тогда как Домна не переставала причитать тихонько:

— Ох и гадюка... Ох и змеюка подколодная... Ты поглянь на нея, дуру глупую, ты ей слово, а она те двадцать! Чуяло мое сердце: девка далека от добра.

— Брось, — вяло сказала Арина Павловна. — Не стоит она того.

— Как не стоит?! — не унималась кухарка. — Как не стоит, когда перечит всякому человеческому слову, никакого сладу с ней, бесстыжей, нет. К тому ж брюхатая она, бесстыдница.

— Что?! — вытаращила бесцветные глаза Арина Павловна. — Это ж как понимать... брюхатая?

— Да ты никак слепая! Ранее Шурка наша ходила и юбками крутила во все стороны, а таперя шалью закрывается, с плеч спускает концы, оно вроде как и не видно. Живот, значится, не видно. Да вся дворня шепчется давно, будто утягивается она, одна ты ничего не замечаешь. Брюхатая, вот те крест. Ты глянь, как она соком налилась, токмо в тягости такими сочными становятся.

А Домна права, с некоторых пор Шурка полюбила большие шали цветастые и с кистями длинными, накинутые на плечи и свободно спускающиеся по подолу почти до щиколоток. Но что прячет беременность, Арина Павловна не догадывалась.

— Уж я-то знаю повадки баб, что на сносях, пятерых родила, — продолжала Домна. — Только где они все, дети мои? Ну, один помер еще в младенчестве, дочка замуж вышла и уехала с мужем за лучшей долей аж в Сибирь, с тех пор ни слуху ни духу. А трое сыновей в город подались, не в наш, что рядышком, а далече, да там сгинули. М-да... Кто ж енто обрюхатил Шурку нашу беспутную, а? Кажись, Степка. Видала однажды, как бесстыдник от Шурки выходил еще затемно...